

В алфавите, который изучают школьники в первом классе, 33 буквы. А в древней кириллице — азбуке, составленной в середине IX века Кириллом и Мефодием, их было гораздо больше — целых 46. Братья-монахи, уроженцы греческого города Солуни (ныне Салоники), взяли за основу своей азбуки греческие буквы и приспособили их к звукам славянских языков, один из которых стал русским.

Куда же пропали 13 букв? Их украло время. По мере того как славяне, в том числе и русские, осваивали свой язык и свою письменность, многие буквы отпадали за ненужностью. Одна за другой из алфавита исчезли S (зело), I (и десятичное), Ъ (чье), ОУ (оук), СΩ (омега), Ç (коппа), Ъ (ять), А (малый юс), Ж (большой юс), З̣ (кси), Ψ (пси), Θ (фита) и V (ижица). Далеко не все буквы уходили мирно, «без боя». С трудом отстоял своё место в алфавите твёрдый знак, но теперь у него «новая работа».

Если бы мы каким-то чудом оказались на улице XIX века, то наверняка заметили бы, что на вывесках слова написаны совсем не так, как в наши дни. Например: «Складъ мануфактурныхъ товаровъ», «Чай, сахаръ, кофе», «Торговый домъ братьевъ Алышвангъ», «Ресторанъ "Посадъ"».

Зачем столько твёрдых знаков? — удивились бы мы. Такой же вопрос задают школьники, читая стихотворение Самуила Яковлевича Маршака «Быль-небылица». В нём старик, встретившийся ребятам в парке, рассказывает, как торговали купцы в старой Москве и, в частности, о купце Багрове, который «гонял до Астрахани по Волге пароходы...»:

На белых вёдрах вдоль бортов,

На каждой их семёрке,

Была фамилия «Багров» —

По букве на ведёрке.

— Тут что-то, дедушка, не так:

Нет буквы для седьмого!

— А вы забыли твёрдый знак! —

Сказал старик сурово. —

Два знака в вашем букваре.

Теперь не в моде твёрдый,

А был в ходу он при царе,

И у Багрова на ведре

Он красовался гордо.

У твёрдого знака было даже имя собственное — «ер». В Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Ивановича Даля читаем: «ЕР м. (ъ), тридцатая буква в церковной азбуке, двадцать седьмая в русской; некогда полугласная, ныне твёрдый знак, тупая или безгласная буква». (Мягкий знак в то время назывался «ерь», а буква «ы» — «еры».)

Зачем же были нужны твёрдые знаки, которые сейчас кажутся лишними? По правилам, пришедшим ещё из старославянского языка, «ъ» следовало писать:

- на конце слов мужского рода после согласных (то есть всегда, кроме тех случаев, когда слово заканчивалось гласной, мягким знаком или буквой «й»);
- в некоторых словах-исключениях (обезьяна);
- в качестве разделительного знака между согласным и гласным на границе приставки и корня.

Откуда взялись эти правила? Они очень древние. В древнерусском языке твёрдый и мягкий знаки означали гласные звуки. Как они произносились, точно не известно, но филологи полагают, что было что-то вроде невнятного «о» («ъ») и ещё более невнятного «е» («ь»). При этом существовало правило, что слог может заканчиваться только на гласную. Например, слово «свиток» в древности писалось как «съвитькъ». Попробуйте его произнести! А поскольку звук «о» делает согласные, стоящие перед ним, твёрдыми, люди стали лениться произносить «ъ». Они захотели сохранить его на письме, чтобы сразу было понятно, что имеется в виду. Например: «Здесь мельъ» или «Здесь мельь», «Вот мольъ» или «Вот мольь». Но потом против этого «пережитка старины» стали выступать многие русские писатели. Им казалось, что в указании на твёрдость согласных звуков нет никакой нужды. Ведь каждому понятно: если не указано, что звук на конце слова мягкий, нужно произносить его твёрдо.

Лев Васильевич Успенский в своей книге «Слово о словах» приводит гневное высказывание Ломоносова в адрес твёрдого знака: «Немой место занял, подобно, как пятое колесо!» Далее автор производит интересные подсчёты. В романе Толстого «Война и мир» в дореволюционном издании насчитывалось 2080 страниц, на каждую из них приходилось в среднем 54—55 твёрдых знаков, то есть во всём тексте — 115 тысяч ненужных букв. Этими

знаками можно было бы заполнить более 70 страниц текста. Успенский называет их тысячами «никчёмных бездельников, которые ровно ничему не помогают. И даже мешают...». «Но ведь книги не выпускаются в свет поодиночке, как рукописи, — пишет далее Успенский. — То издание, которое я читаю, вышло из типографии в количестве трёх тысяч штук. И в каждом его экземпляре имелось — хочешь или не хочешь! — по 70 страниц, занятых одними никому не нужными, ровно ничего не означающими твёрдыми знаками. Двести десять тысяч драгоценных книжных страниц, занятых бессмысленной чепухой! Это ли не ужас?»

Желание избавиться от ненужных знаков особенно усилилось в конце XIX — начале XX века. В 1904 году при Отделении рус-ского языка и словесности Академии наук была создана Орфографическая комиссия, перед которой стояла задача упростить русскую письменность, прежде всего для того, чтобы школьникам было легче изучать русский язык. В комиссию вошли самые известные учёные-языковеды тогдашней России. Возглавил её выдающийся русский языковед Филипп Фёдорович Фортунатов. Комиссия попыталась вовсе отказаться от буквы «ъ» и использовать только «ь», при этом отменить написание мягкого знака на конце слов после шипящих, то есть писать «мыш», «ноч», «идёш» и т. д. Этот проект широко обсуждался, но так и не был принят.

И вот 10 октября 1918 года декретом Совнаркома «О введении новой орфографии» твёрдый знак был упразднён. Причём поначалу с ним разделались настолько радикально, что вовсе выкинули из русского алфавита и заменили апострофом. На старых фотографиях можно увидеть вывески, на которых написано: «Осторожно! Крутой под'ём!» или «Об'ект охраняется собаками!» Употребление апострофа в середине слова многим казалось диким. Писатель Иван Алексеевич Бунин даже называл его «чудовищем». Вскоре от апострофа отказались и вернулись к твёрдому знаку.

Исчезновение твёрдого знака из окончания слов вызывало опасение у лингвистов. Они считали, что будет сложнее различать границы слов и в результате тексты станут нечитаемыми. Этого не произошло, твёрдый и мягкий знаки нашли своё место в русском языке.

Теперь для твёрдого знака осталась только одна работа. Он ставится перед «е», «ё», «ю» и «я» в следующих случаях:

- в приставках, оканчивающихся на твёрдый согласный: подъезд, объём, сверхъестественный, волеизъявление;
- в сложных словах, первый корень которых также оканчивается на твёрдый согласный (это слова, начинающиеся на «двух-», «трёх-», «четырёх-»): двухъярусный, четырёхъярдový;
- в некоторых словах иноязычного происхождения, где встречается то же сочетание — твёрдый согласный и гласные «е», «ё», «ю», «я»: адъютант, инъекция, объект, субъект, панъевропейский.

В перечисленных примерах без твёрдого знака никак нельзя обойтись, потому что гласные «е», «ё», «ю» и «я» обладают свойством смягчать согласный звук, который стоит перед ними, и, если мы хотим, чтобы этот звук оставался твёрдым, нужно отметить это специальным знаком.

Особое правило работает в тех случаях, когда приставки, оканчивающиеся на согласный, оказываются рядом с корнем или с другой приставкой, которые начинаются с буквы «и». Эта буква делает предыдущий согласный звук мягким. Раньше, чтобы подчеркнуть, что приставка заканчивается твёрдой согласной, здесь ставился твёрдый знак.

А что же происходит теперь? Буква «и» стала превращаться в «ы». Таких слов не очень много. Например, «предыдущий» (сравните с причастием «идуший»), «розыск» («искать»), «подытожить» («итог»), «безыскусный» («искусный»), «безыдейный» («идейный»), «безынициативный» («инициативный»), «безынтересный» или «небезынтересный» («интересный»), «сымпровизировать» («импровизировать»), «предыстория» («история»).

Из этого правила есть два исключения: «и» пишется в словах с приставками «меж-» и «сверх-» (межирригационный, сверхизысканный) и в словах с иноязычными приставками и частицами «пан-», «суб-», «транс-», «контр-» и так далее (панисламизм, субинспектор, Трансиордания, контригра).